
ТАЙНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА
ИЗАБЕЛЬ ДЮКЕНУА
18+
ЗАМОК ВЗДОХОВ
КОРОЛЕВСКАЯ ПТИЧНИЦА
КНИГА 2

Документальный fiction

Изабель Дюкенуа

Замок вздохов. Королевская птичница. Книга 2

«Азбука»
2024

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

Дюкенуа И.

Замок вздохов. Королевская птичница. Книга 2 / И. Дюкенуа — «Азбука», 2024 — (Документальный fiction)

ISBN 978-5-389-34817-2

Когда рушится один мир, на его обломках может родиться другой. Очарованная перьями на шляпке подруги, королева Мария-Антуанетта, – самая авторитетная дама Франции XVIII века, с чьим мнением считались абсолютно все модницы Парижа, – избирает Лизелотту придворной поставщицей. Юная баронесса вновь заселяет замок Бопре экзотическими созданиями – от величественных страусов до черных лебедей и гигантских попугаев. С уходом за хрупкими птицами ей помогает загадочный чужестранец Наронг, прибывший из далекого Сиама. Однако за стенами «райского сада» уже слышится гул нарастающего гнева. Сможет ли мир, созданный Лизелоттой, выстоять, когда огненная буря Революции сметает все на своем пути?

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-34817-2

© Дюкенуа И., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Изабель Дюкенуа
Замок вздохов. Королевская птичница. Книга 2

Серия «Документальный fiction»

Isabelle Duquesnoy
L'Oiseleuse de la Reine
Le Château des soupirs

Перевод с французского *Марианны Кожевниковой*

© Éditions du Seuil, 2024
© Кожевникова М. Ю., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

Глава 1

Чем краше птица, тем хуже певица.
Шотландская пословица

Мои версальские мечты тускнели с каждым днем.

Над парадным входом в замок красиво легла черная драпировка, и мы задевали головами обрамляющую ее золотую бахрому. Это была одна из штор, висевших в спальне Казимира. Мы их сняли, и вторая стала для него еще и надгробным покровом.

Цветы, большая редкость в последний месяц года, были все срезаны, и в доме стояли несколько букетов. Но и камелии, и подснежники выглядели в нарядных восточных вазах печально и сиротливо.

Я облачилась в траур. Так же сделали и слуги, но скорее в знак невеселых забот, чем душевной печали. Феликс снял красную с зеленым ливрею и надел черный шерстяной сюртук без отделки. Нинон перевернула передник наизнанку и носила его теперь темно-серой подкладкой наверх. Остальные навязали черные повязки: мужчины – на рукав, женщины – вокруг головы.

Гроб Казимира отвезли в деревенскую церковь, потому что кюре отказался отпевать его в нашей маленькой часовне, хоть она и была освящена. Ну и к лучшему, потому что ключ от нее так и не нашелся, а я не могла себе представить, что ради панихиды по усопшему супругу взламываю в нее дверь.

Органист был болен, а хор из трех женщин, которые пели козлиными голосами, вызывал скорее смех, чем слезы. Как же мне не хватало поддержки моей дорогой Софи д'Обиньи! Она уехала к своим *«Монсам»*, и ждать ее в скором времени не приходилось.

Месье кюре задал мне тысячу вопросов относительно барона, не скрывая при этом своего недоброжелательства, поскольку мы очень редко ходили в церковь. Он хотел узнать как можно больше подробностей о покойном, чтобы после панихиды произнести о нем похвальное слово. Но увы! Очевидно, с утра пораньше он получил церковное вино, так что произнес вовсе не похвалу, а хулу, хотя в то время такое вошло в моду. После смерти Людовика XIV сделалось хорошим тоном забавлять прихожан весьма странными проповедями, говоря не о добродетелях покойного, а о его пороках и недостатках[1]. И любители преувеличений и гротесков создавали порой весьма оригинальные творения в виде прощального слова на похоронах блохи из

[1] Этот своеобразный обычай позволял правоверным христианам в тех немногочисленных приходах, что еще существовали, лишать ореола святости короля или любого другого усопшего, перекладывать на него все свои горести и со спокойной душой обращать надежды к его преемнику.

парика, обезьянки из зверинца, собаки-кусаки, сороки-воровки, упрямого осла или злобного сыча, который не давал никому спать. Но я тогда еще не знала, что эту шутовскую проповедь написал Феликс, а кюре только огласил ее вслух.

«Мы собрались здесь сегодня поутру, чтобы почтить память нашего собрата Казимира-Анри-Франсуа, барона Каде де Бопре, который никогда так и не оправился после самой жестокой своей потери – утраты веры. В свое время хлопотливый хирург укоротил ножом его… мирскую жизнь, мы же приложим все силы, чтобы достойно проводить его в другую. Отец небесный! Прими того, кто никогда не раскаивался и вот предстал перед тобой, Господи! Так вспомним же мы о его жестокосердии, ярости по утрам и угрозах лишить всех куска хлеба, о его скупости, вошедшей в поговорку, страсти к деньгам, непомерной гордыне, об одежде, которая могла бы согревать его слуг, а он уничтожал ее из-за грязного пятна, о его бесчувствии к бедам других и безграничной любви к птицам, у которых он вырвал потом сердца. Так покойся же человек, желавший быть великим, но казавшийся мелким, любивший все зеленое и красное до такой степени, что пил его прямо из бутылки. Аминь».

Феликс, считая, что отдал должное чувству юмора барона этой речью, не имевшей ничего общего с прощальным словом на похоронах, остался очень доволен смехом, который слышался среди собравшихся. Я повернулась к сидящим на лавках прихожанам и с гневом посмотрела в лицо каждому смеющемуся. А оглядев присутствующих, убедилась, что никто из местной знати не почел нужным приехать на похороны. Неужели знатных соседей одолел нелепый страх перед заразной болезнью, которая может просочиться сквозь стенки гроба? Или их отсутствие было свидетельством полного равнодушия?

Ливень с градом встретил нас на выходе из церкви, но я пошла пешком за гробом Казимира вместе со слугами и крестьянами, которым было обещано по стаканчику вина после захоронения. Однако на кладбище могильщики, очевидно наслушавшись злокозненных слухов, отказались прикасаться лопатами к земле, не получив предварительно плату. Почувствовав приближение скандала, прихожане разбрелись один за другим, в то время как Наронг и кучер копали могилу под злобным взглядом кладбищенских работников.

Супруга моего похоронили с большой поспешностью. Могилу забросали комковатой мерзлой глиной.

Я отменила раздачу вина и поручила кюре сообщить об этом со всей необходимой вежливостью жителям деревни, которые привыкли считать похороны возможностью напиться за чужой счет.

Остаток дня я провела у себя в комнате, предоставив слуг их собственной судьбе. Признаюсь, меня грызли тоска и тревога. Я начала понимать, что теперь должна буду одна управлять огромной усадьбой, потерявшей источник дохода вместе с болезнью Казимира. А его нет больше рядом со мной, и некому давать мне советы, говорить, что делать, растолковать, как вести счета.

А как много рук нужно было, чтобы поддерживать усадьбу! Сколько забот требовал наш замок! Уборка, чистка медной и серебряной посуды, столовое и постельное белье, моя одежда, свечи, топка каминов, натирка полов, вощение мебели… Теперь пусть всем этим занимается одна Шарлотта – хватит толкотни на этажах мелких помощников и помощниц.

В кухне будет теперь не так уж много готовки, и Терезе понадобится только человек, который будет закупать провизию для нас и корм для птичника. Должна признаться, что до сегодняшнего дня я не интересовалась, кто занимается покупками, после того как ушел Габриэль. И вот сейчас я неожиданно поняла, почему кухарка постоянно жалуется, что ей не хватает то того, то другого.

Я внимательно огляделась вокруг. На обустройство замка барон потратил целое состояние. Но обои, настенные росписи, деревянные панели, ковры, двери, оконные рамы и картины уже нуждались в реставрации. Придется с этим подождать до лучших дней…

Сердце у меня заныло от тоски, и я тяжело вздохнула.

Хотела бы я знать, были ли у нас еще какие-нибудь доходы, кроме выращивания птиц для охоты.

Все охотники, будь то придворные или кто попроще, в одночасье исчезли, не сочтя нужным нас даже предупредить, что больше никогда не приедут. А наши несчастные куропатки были принесены в жертву безумной надежде, что они спасут от боли своего благодетеля.

Их опустелые клетки стояли нечищеные, и от подгнивших в осенней сырости подстилок несло противным кислым запахом. Голубятня еще ворковала, но ее немногочисленные обитатели, которые сумели уцелеть, выглядели жалкими и больными – отощавшие, с тусклым оперением голуби дремали на насестах, свесив головы, словно все страдали кривошеей[2]. Еще в одном вольере разгуливали двенадцать подросших цыплят, превратившихся в задиристых высокомерных петушков, которые без конца дрались друг с другом и гоняли четырех несчастных курочек, приносивших иногда по яичку. Дюжина петухов на четырех курочек – явный преизбыток, и я решила, что их нужно как можно скорее употребить на кухне, пока они не забили друг друга до смерти и не погибли от боевых ран. Утки, что плавали в пруду, улетели вместе с перелетными. А пара лебедей перебралась через небольшую плотину со шлюзом и устроилась на зимовку в соседней усадьбе.

Вот так медленно погибало хозяйство усадьбы Бопре.

Исключение составили попугаи, чья необыкновенная живучесть меня очень удивила.

Моя первая вдовья прогулка. Вспоминаю, что иду по усыпанным жухлыми листьями хмурым аллеям парка под голыми ветвями ив и тюльпановых деревьев. Воздух холодный. Взъерошенные дрозды прыгают с ветки на ветку, а малиновки подстерегают минуту, чтобы прогнать их со своей насиженной территории без громкого скандала и снова занять полуразрушенные гнезда.

Я прошла мимо вольера с попугаями, затем миновала ледник в виде пирамиды, решив непременно дойти до ограды и узнать, каковы границы моей усадьбы.

Долго шагая по лугу, где обыкновенно паслись лошади, я сильно промочила подол платья. Задрала его вместе со всеми нижними юбками как можно выше и заткнула за пояс. Потом сбросила туфли, зашвырнула их в заросли подорожника и сняла чулки. Босым ногам было холодно, но я почувствовала, как близка мне вся эта грубая, дикая природа – порыжевшие закорючки папоротника, пожухшая крапива, колючий чертополох, который не едят лошади, – все они кололи меня, жалили, но мне это нравилось.

Хотелось идти все дальше и дальше, изрaниться, исцарапаться, страдать, мучиться. Умер барон, погиб мой ребенок, и мне необходимо было чувствовать боль, чтобы ощутить себя живой. Исколотые колючками пальцы ног кровоточили, и я в изнеможении уселась на камень, вывалившийся из ограды.

Я дошла до границы усадьбы. *Своей* усадьбы.

Но во что мне обойдется залатать эту брешь, через которую могут проникнуть злоумышленники или конокрады? Еще одна из многочисленных трат, мысли о которых роились у меня в голове. Не только внутренняя обстановка замка требовала ухода и починки, но и оранжерея, парк, фруктовый сад. На крыше не хватало черепицы. С тех пор как Казимир освободил башни от плюща, стало видно, как износился камень. Газоны заросли сорной травой и чертополохом, не говоря уж о том, что стало с огородом – там торчали только несколько кочанов капусты, изъеденных улитками.

[2] При заразной болезни, поражающей внутренние органы, от которой птицы вскоре погибают, они дергают шеей. Болезнь передается через общие поилки, перьевую пыль и слизь из клюва.

Сколько слуг мне нужно оставить? И кто из них согласится заняться другой работой, более дешевой и грязной?

Я не слышала никаких шагов. Волосы у меня растрепались и промокли от дождя, глаза застилали слезы. Наронг стоял рядом, прямо передо мной. Он молчал и грыз соломинку.

Я сразу же опустила юбки и поджала ноги.

– Что вы здесь делаете? – спросила я, страшно смутившись, что предстала в таком беспорядке.

Наронг улыбнулся:

– А вы?

Ответ был дерзким, но мне в эту минуту не захотелось напоминать ему о своем высоком положении баронессы, владелицы здешних мест.

– Мне нужно было походить по земле босиком, – не таясь, сказала я, – поделиться с ней своей кровью, пропитаться соком этой земли, чтобы ей принадлежать. Или почувствовать, что *земля* принадлежит мне. Вам смешно?

Он опустился передо мной на колени:

– Нет, не смешно. А вы знаете, о какой птице я узнал очень много интересного? О зяблике или, как его еще называют, *linotte*…

Я тяжело вздохнула. Мало мне было лекций барона, и вот опять меня собирались потчевать сведениями о птицах. А моих проблем это никак не решало. Не с помощью пернатых мне придется спасать усадьбу. Этот Наронг, конечно, весьма ученый, но и слишком уж разговорчивый.

А он тем временем, не замечая моего глубокого огорчения, продолжал:

– Птичка эта находит клочок пыльной земли, ложится и начинает шевелить крылышками, выставляя одну ножку вправо, другую влево. Своими движениями она вздымает облако и всю себя укрывает пылью. Попискивает от удовольствия, закрывает глаза и замирает в этой пыльной ванночке, избавляющей ее от паразитов и лишнего жира на перышках. Она растопыривает маховые перья, погружает головку в пыль и снова замирает. До тех пор, пока еще один зяблик не присоединится к ней. И они лежат друг напротив друга, наслаждаясь выпавшей минутой. Эта минута – призыв, о котором говориться в буддизме: «живи здесь и сейчас». Вдали от ранящих воспоминаний о прошлом, вдали от страха перед будущим и надежд на него… Они устраивают свои гнезда где придется, не слишком заботясь о безопасности. Повторяю, зяблики живут здесь и сейчас. И вы немного на них похожи…

– Так вы буддист? – спросила я, вытирая мокрые щеки.

– Как почти все жители Сиама, – ответил Наронг. – Мать учила меня католической вере. Но отец настаивал, чтобы я жил по законам его религии. Так вот, возвращаясь к вашим словам, баронесса, ходить босиком по своей земле, расцарапав в кровь ноги, и чувствовать родство с ней – нет, это совсем не смешно.

Я посмотрела на него. Взгляд этих черных, как чернила, глаз действовал успокаивающе. Точно так же, как и его слова.

– А знаете, что в самом деле забавно? Что мое имя имеет некоторое сходство с названием вашей беспечной птички.

– Баронесса Каде де Бопре?

– Лизелотта. Так меня зовут. Разве не напоминает *linotte*?

– Что за прелесть! Я не знал вашего имени, – засмеялся он, а сам начал снимать обувь. – Наденьте мои туфли. Вам пора возвращаться. В коридоре замка вас ждут два господина.

Я отрицательно покачала головой.

– Что ж, – сказал он и снова обулся. – Вы не оставили мне другого выхода.

Наронг встал и поднял меня, подхватив под спину и колени. Его загорелые мускулистые руки едва заметно дрожали. Мне подумалось, он смущался от собственной дерзости. А что сказать обо мне… Я почувствовала запах мужчины – без примеси пудры парика, резких духов и телесного зловония, с которыми познакомили меня маркиз и мой муж.

Мне пришлось обнять этого мужчину за шею, и я удивилась тому, какая мягкая у него была кожа. А его дыхание, касавшееся моего лица, пахло теплым ветром. Это довершило мое смятение.

– Дорога долгая, – сказала я, не успев подумать, что я такое говорю.

– Таков закон богов: за радость положена плата.

Наверное, я покраснела от смущения: ни один мужчина еще не держал меня на руках. Соблазн продлить приятные ощущения был велик, но для только что овдовевшей женщины это выглядело бы недостойно.

– Вы поставите меня на землю возле вольеров, – распорядилась я. – Не хочу, чтобы мои слуги видели меня в ваших объятиях.

– Как прикажете, мадам баронесса! – весело откликнулся Наронг.

Феликс ввел таинственных посетителей в прихожую замка, но не открыл перед ними двери большой гостиной. Господа стояли ко мне спиной, занятые чтением имен в картушах на портретах представителей династии барона: его матери, дедушек и бабушек, страдающих каждый своими особенностями косоглазия. Я рассчитывала, что эти нелепые картины окажут завораживающее воздействие на неожиданных гостей, и собиралась проскользнуть к себе наверх по лестнице незамеченной. Мне хотелось умыться, переодеться и привести себя в порядок.

Но увы! Нинон, увидев меня, издала громкий крик:

– Господи, мада-а-ам! Что с вами приключилось?

Я прижала палец к губам, призывая молчать, но было слишком поздно: незнакомцы обернулись.

Одного из них я узнала тотчас же и едва не упала в обморок на полированные мраморные ступени.

Глава 2

– Лизелотта! Дорогая! – воскликнул Жак. – Как я рад с тобой снова увидеться! Позволь мне тебя обнять!

Я не видела брата со дня своей свадьбы. Он ни разу не соизволил ответить на мои письма. Отчаявшись, я тоже перестала ему писать. Его появление в эту минуту меня нисколько не порадовало. И, само собой разумеется, мне было стыдно, что он застал меня в таком неприглядном виде.

Я поздоровалась с мужчиной кивком, сопровождавшим брата. Его я тоже узнала: месье Мазюр, нотариус, что засвидетельствовал взаимное дарение, которым облагодетельствовал меня Казимир.

– Мои соболезнования, мадам, – сказал нотариус, склоняясь к моей испачканной руке.

– Пригласи господ в гостиную, – приказала я Нинон, – и помоги мне переодеться.

– Распорядись, пусть нам принесут ликеры, пока мы будем тебя ждать, – потребовал Жак.

Я промолчала. Мужская мания чокаться по любому поводу была мне не по душе. К тому же я прекрасно знала фальшивую натуру Жака и не сомневалась: он явился ко мне не с добром.

Недолгое время спустя я появилась в чистом платье из черного муара. Я надела его прямо поверх грязных нижних юбок, не став их менять, чтобы не показывать Нинон свои исцарапанные ноги. Горничная причесала меня, заколов непослушные пряди перламутровым гребнем с черными жемчужинами, что оттенило мой строгий наряд ноткой своеволия.

Направляясь в гостиную, я старалась дышать медленно и глубоко.

– Представь себе, как я удивился, – заговорил Жак, – когда узнал, что у нас с тобой один и тот же нотариус! Согласись, чудесное совпадение! Мэтр Мазюр ведет все мои счета, и я полностью ему доверяю.

Значит, брат уже не довольствуется службой в полиции? Он сделался деловым человеком? И я задумалась, какие он может вести дела.

– Значит, ты управляешь теперь каким-то предприятием? – сказала я, желая быть с ним любезной. – Я рада, что протекшие годы были для тебя успешными и принесли выгоду. Ты не отвечал на мои письма, так что я не могла узнать об этом раньше.

Брат сделал большие глаза:

– Ты писала мне на адрес родителей?

– Разумеется.

– Я продал дом тотчас же после твоей свадьбы и больше там не жил.

Сразу же смутившись, я почувствовала раскаяние за свои дурные мысли о брате.

Нотариус вынул из сумки толстую пачку бумаг, начал перебирать их и перечитывать. Потом положил пенсне и сообщил причину своего визита ко мне:

– Согласно купчей, подписанной покойным месье Каде де Бопре и месье Люссаном, вашим братом, присутствующим здесь, дом вашей семьи, расположенный на улице Рояль в Сен-Совере, должен быть возвращен ему.

– И что это, собственно, означает? – спросила я, холодея.

– Ваш муж купил дом ваших родителей, мадам. Но в контракте есть пункт, который гласит, что в случае смерти вашего супруга этот дом должен вернуться месье Люссану, приведенным в то состояние, в каком он находился в момент продажи.

Я старательно разглаживала складки платья, всеми силами стараясь не показать испуга и волнения. Казимир никогда не говорил мне, что выкупил у моего брата его наследство. Я чувствовала, что задыхаюсь, и мне приходилось делать над собой большое усилие, чтобы это скрыть.

– Что ж, – сказала я с притворно равнодушным видом. – Верните ему дом. Жаку он достался по наследству. Я не воспрепятствую ни воле родителей, ни закону. Где я должна поставить подпись?

– К сожалению, мадам, я установил вчера, что за домом никто не следил, и его состояние пришло в упадок. Необходимый ремонт на вашей ответственности, мадам, и месье Люссан вправе его от вас потребовать.

Я сложила веер, и он громко щелкнул у меня в руках.

– И ты потребуешь, Жак?

Брат кивнул головой и развел руками: мол, а что тут можно поделать?

– Мэтр Мазюр, – обратилась я к нотариусу, – у меня нет денег для того, чтобы произвести необходимые работы…

– А у меня, – прервал меня брат, – нет возможности жить в сарае с выбитыми стеклами и крысами на чердаке. Я уж не говорю о каминах, разоренных бродячими злоумышленниками, о плитке, отвалившейся со стен и разбившейся о каменный пол.

– Вы стали баронессой в 1786 году, – прибавил месье Мазюр, – то есть полтора года тому назад, и я могу засвидетельствовать, что усадьба Бопре находится теперь в вашем полном владении. Иными словами, вы не обездолены.

Не обездолена, но в отчаянии. Я не нашла в себе мужества перечислить свалившиеся на меня беды: мучительную болезнь Казимира, упадок хозяйства и усадьбы с тех пор, как мы перестали заниматься выращиванием домашней и дикой птицы, похороны, заброшенную оранжерею, отсутствие урожая в саду и огороде, поставщиков, которые отказали мне в кредите, и мое горе – рождение мертвого ребенка.

– Но есть и хорошая новость, – воскликнул нотариус, – за вами остается молочная ферма. Ее забыли внести в купчую, и она принадлежит вам…

– Да, она твоя, – подтвердил Жак с видом владетельного маркиза. – Не имею ни малейшего желания делать сыр и сбивать масло, так что дарю ее тебе.

Манера Жака приписывать себе любые заслуги бесила меня всегда.

– Ты ничего мне не даришь. Мы следуем закону, и не больше, – поправила я его и обратилась к нотариусу: – Месье Мазюр, есть ли у меня возможность получить отсрочку для ремонта дома моих родителей?

Нотариус справился с условиями договора.

– Вы располагаете шестью месяцами для того, чтобы приступить к работам. Их начало должно быть засвидетельствовано судебным приставом или вашим покорным слугой. Но что касается окончания работ, то я не вижу никакого срока…

– Если я правильно поняла, ремонтные работы должны быть начаты в течение полугода, но нет ограничений относительно даты, когда они должны быть закончены?

– Именно так.

Я поднялась со своего места, давая понять, что беседа наша близка к завершению.

– Жак, в соответствующее время я сделаю все необходимое.

– Не продолжай, – заявил он, подняв руку и чувствуя себя уже полицейским. – Я требую, чтобы рабочие приступили к делу немедленно, иначе я подам на тебя в суд…

– Все понятно, – ответила я, сжимая кулаки. – Но если ты затеешь против меня судебное следствие, я позабочусь, чтобы ремонтные работы не кончились никогда, потому что ничто меня не обязывает завершить их даже к концу века…

С этими словами я сама распахнула дверные створки, дав понять гостям, что прощаюсь с ними. Нинон и Феликс немного пострадали, потому что один стоял, приложив ухо к двери, а вторая подсматривала в замочную скважину. Но они тут же оправились, хотя Феликс смущенно кашлянул.

– Извольте проводить этих господ, – распорядилась я холодно. – И… мэтр Мазюр! В следующий раз приходите ко мне без сопровождающих лиц. В этом случае вас будет ждать гораздо более теплый прием. Часто появляясь в дурной компании, честный человек портит свою репутацию.

Мне понадобилось немало времени, чтобы опомниться после родственного визита, который потряс меня до глубины души. Я переходила из одной комнаты в другую и никак не могла найти себе занятия. Привычная обстановка меня нисколько не успокаивала.

Неожиданно я остановилась перед дверью, которую за время моей жизни в замке ни разу не открывали. Она вела в одну из башен.

Желание осмотреть комнаты, которые я никогда не видела, показалось мне чем-то вроде лекарства от безнадежной тоски. Я спустилась в кухню.

– Мада-а-ам!

– Да, Тереза. Я прекрасно знаю, что не должна появляться в кухне. Где Феликс?

Феликс стоял, вытянувшись, позади меня.

– Я здесь, – тихо сказал он, и я от неожиданности вздрогнула. – Что прикажете, мадам?

– Ключи от башен, восточной и западной. Прошу дать их мне.

Камердинер высоко поднял брови, всем своим видом выражая несказанное удивление:

– Но… Там нет ничего, что могло бы заинтересовать мадам.

Я молча протянула руку, показывая, что он не вправе оспаривать мою волю. Феликс порылся в кармане сюртука и протянул мне два ключа на одной веревочке.

Получить ключи оказалось совсем несложно, и я упрекнула себя за то, что имела глупость заподозрить слуг в желании что-то от меня утаить.

Прежде чем подняться по лестнице, ведущей к западной башне, я прошла по коридору, куда выходили комнаты для гостей, которые к нам никогда не приезжали. Казимир не приглашал никого пожить в замке, хотя его усадьба могла порадовать всеми удовольствиями загородной жизни. Вид пустых холодных комнат был неимоверно печален. Постели под тяжелыми пыльными покрывалами, безмолвные каминные часы с астрономическим календарем, мягкие кресла, на которых никто никогда не сидел, тусклые, затянутые паутиной квадраты окон.

Я закрывала одну за другой двери нежилых комнат, отданных в распоряжение паукам и мухам.

Через дверь в конце коридора я наконец вошла в западную башню.

Комната с красным плиточным полом была заставлена сундуками, между которыми возвышался узкий, источенный жучком буфет. Его полки ломились под тяжестью потемневшей помятой серебряной посуды, и буфет, казалось, готов был вот-вот развалиться. Но, несмотря на поломки и вмятины, эта посуда тоже имела хоть и небольшую, но цену. Я вполне могла бы отнести ее какому-нибудь серебряных дел мастеру. Но вот беда – я никого не знала.

Подвинув посуду вглубь полок, я закрыла единственную дверцу буфета.

Обитые кожей сундуки с тусклыми заклепками стояли стеной один на другом. Из верхнего торчало кружево. Я откинула крышку и среди старой, вышедшей из моды одежды нашла

два женских портрета, сразу узнав на них ту, что была изображена на клавесине в парадной гостиной. Казимир предложил мне полюбоваться ею в день нашей свадьбы, и меня тогда сильно задело сравнение с предыдущей супругой-красавицей. Однако никто при мне никогда не произносил ее имени.

Словом, я поняла, что в западной башне хранится память о той, что жила в этом замке до меня: ее платья из шелка и плотного зимнего сукна, расшитого синелью, корсеты на тонкую талию, сборчатые блузки изящного покроя, мантильи, капюшоны и баньолеты[3], говорившие о внимании к мелочам и тонком вкусе их хозяйки. Мне захотелось почувствовать эту незнакомую женщину. Я уткнулась лицом в красивые наряды и удивилась: они сохранили тонкий аромат ландыша и мускуса.

Она, наверное, была разговорчивой, пользовалась снисходительностью барона, легко себя чувствовала в обществе, умела сказать острое словцо за столом и незаметно посмеяться соленой шутке, прикрывшись веером.

Туфельки с бантами и завитушками намекали на то, что у дамы была маленькая изящная ножка, а восемь юбок с каркасами заставили меня побледнеть от зависти. Конечно, я не буду их носить, хотя и фестоны, и подол, обшитый голландским кружевом, очень украсили бы меня. Но я сейчас в трауре и на долгие месяцы обречена только на строгие черные наряды. И потом я преисполнена такой почтительности к незнакомке, что не посмею позаимствовать у нее даже ленточку.

А это что такое? Я совершила неожиданное открытие: среди шелков, тафты и кружев наткнулась на бювар из красной тисненой кожи с гербом, в котором лежала небольшая связка запечатанных писем с не сломанными восковыми печатями. Удлиненные буквы с наклоном указывали, что предназначены письма той, кто не пожелала открыть их и прочитать: мадам баронессе Флорентине-Грас Каде де Бопре… Но самым загадочным оказалось то, что запечатаны они были печатью с инициалами Казимира. Значит, барон писал собственной жене, которая жила с ним под одной крышей. А она? Она не захотела читать его письма? Или их даже не получила?

Я замерла, не зная, как поступить, – листочки растревожили мои мысли и жгли мне руки. Разве я не полновластная хозяйка дома и всего, что в нем находится? Кто и что может помешать мне удовлетворить свое любопытство? Но призрак Казимира все же воспрепятствовал моей вопиющей неделикатности, и я положила бювар с письмами в сундук туда, где его нашла, к кружевным юбкам и маленьким изящным туфелькам.

Вот так, прожив больше полутора лет в этом доме, я наконец узнала имя первой баронессы, о которой никто здесь никогда не упоминал. И мысли о ней ненадолго отвлекли меня от забот и неприятностей.

В последнем сундуке хранились шляпы: из светлой соломки, плиссированного атласа, красного бархата, украшенные сорочьими перьями, золотыми бантами и искусственными цветами. Признаюсь, одну с самыми широкими полями я примерила, потому что она напомнила мне шляпу моей матушки. На самом дне сундука лежали аккуратно завернутые в бумагу несколько пар перчаток со слегка запачканными кончиками пальцев, а еще – дорогие, но сломанные веера, туалетный несессер со щеткой, на которой осталось облачко напудренных волос, металлические гребни, коробочка с мушками и маленькие губки, предназначение коих мне было неизвестно.

Я старательно заперла дверь и отправилась во вторую башню.

[3] Разновидность капюшона, легкого и очень большого, позволяющего не помять высокую прическу.

Глава 3

Дверь в восточную башню словно бы кто-то держал изнутри, так она сопротивлялась тому, чтобы я ее открыла. Удостоверившись, что никто не подсмотрит, я будто мошенница, а вовсе не баронесса, вооружилась щипцами для углей, взяв их у камина в пустой соседней комнате. Я воспользовалась ими как рычагом, засунув плоскую ручку в щель дверного косяка, и дверь в конце концов поддалась моим усилиям. Она распахнулась, и к противоположной стене откатилась плетеная колыбель.

Очевидно, в эту комнату снесли все, что готовили для не родившегося или родившегося мертвым ребенка несчастной баронессы Флорентины-Грас, для которого барон нанимал в качестве кормилицы Нинон.

Я смотрела на все эти крошечные вещички, думая о своей маленькой девочке, пришедшей в этот мир слишком рано и еще для него не готовой, и душа моя рвалась на части. Платьица[4] без грубых швов, беленькие чепчики с кружевами, постельное белье величиной с полотенчико, одеяльца, связанные из мягчайшей шерсти, вонзались кинжалами в мое помертвевшее сердце.

На столике, стоявшем под окном в крыше, я увидела целую коллекцию оловянных бутылочек для кормления. Самая большая, с овальной пробкой и рожком, служила опорой миниатюрной картине в позолоченной рамке. Я, питая большое пристрастие к живописи, осторожно сдула пелену пыли и увидела под ней изображение молодой женщины и обезьянки. Они, склонившись над круглой клеткой, с печалью смотрели на маленькую желтую канарейку. Надпись в металлическом картуше на рамке картины гласила «Ж-Б. Удри»[5]. Когда-то я так восхищалась талантом этого художника, рассматривая гравюры с его картин! Мой отец заказывал их для богатых клиентов, желавших украсить свои гостиные гобеленами со сценами королевской охоты или изображениями экзотических животных.

На обратной стороне картины я прочитала сделанную мелком надпись: «*Песня пленной пташки – вздох, обращенный к небесам*». Эти слова стеснили мне сердце грустью. Я бережно поставила картину на прежнее место среди вещей, напоминавших о прошлом, которое меня не касалось. Но в то же время появилась уверенность, что послание было предназначено мне самим Провидением.

---

[4] * В платья одевали не только девочек, но и маленьких мальчиков до тех пор, пока они не привыкали к горшку.

[5] Французский живописец Жан-Батист Удри сам участвовал в королевских охотах и делал зарисовки в лесах Компьени. По его эскизам создавались настенные ковры на мануфактуре Гобеленов. В 1736 году он стал директором этой мануфактуры. А в 1755-м был неожиданно отстранен от своей должности и вскоре умер от апоплексического удара. Вплоть до конца XIX века многочисленные художники копировали его охотничьи сцены для провинциальных замков и апартаментов эпохи Осман.

Я поступала плохо…

Мы содержали в неволе много птиц, но только одна из них была по-настоящему одинокой. Изоляция, на которую я обрекла Лару, оправдывая себя страхом перед ее острым клювом и громкими криками, была неоправданной жестокостью. Я вспомнила, как она кокетливо поворачивала голову, стараясь очаровать редкого посетителя, стоило двери в смежную комнату открыться. И огорченная нашим равнодушием, потеряв любимого хозяина, издавала истошные звуки, словно причитала, что никто больше не ласкал ее и не хвалил. Пронзительные вопли Лары, возносимые к небесам, которых она теперь больше никогда не видела, были молитвой узника в заточении.

Лара мучилась так жестоко, потому что являлась единственным живым существом, которое хоть в какой-то мере было мне подвластно.

Я заперла на ключ восточную башню, всерьез ощутив угрызения совести.

Скрип дверных петель сообщил в кухне о моем появлении.

– Мада-а-ам! – заголосили в один голос Тереза и Шарлотта.

– Да будет вам! – прервала я их мрачно. – Теперь я буду спускаться в кухню, как только мне захочется. Может, мне будет немного повеселее среди ваших горшков и кастрюлек.

– Вам не подобает спускаться сюда, мадам. Надо звонить в колокольчик, если мы понадобимся.

– Дайте мне чищеных орехов и печенья, а объяснять мне правила хорошего тона в моем собственном доме не надо. Брр! До чего же зябко у вас в подвале!

– Кухню всегда делают на северную сторону, мадам, чтобы продукты не портились. Очаг горит, когда идет готовка, а ее теперь, прямо скажем, немного. Орехи для попугаихи? Я спрашиваю потому, что Феликс говорит, она теперь предпочитает фундук и миндаль.

Неожиданно в кухню через черный ход, что находился как раз под парадной лестницей, вошел Наронг. Он застыл на месте, удивленный моим присутствием.

Я покраснела до корней волос.

Тереза подала мне корзинку с орехами, сухими фруктами и яблоком, разрезанным на четвертинки. Выйдя из кухни, я стала подниматься по внутренней лестнице, где эхо передавало все кухонные разговоры.

– Скучает она! – проворчала недовольно Тереза. – А я ей, что, дама-компаньонка? Это она не впервые сюда спустилась с тех пор, как месье барон ей настрого запретил. Да с таким наследством я бы скучать не стала. Сидела бы да считала бриллианты!

К моему удивлению Наронг возразил Терезе.

– Корона не лечит головную боль, – сказал он. – Мадам баронесса полновластная госпожа у себя в доме, и желания ее не обсуждаются.

– Ну, так пусть ей пощиплет пальцы госпожа крикуха. Я вот дала для нее орехов.

– Госпожа крикуха? – переспросил Наронг, потому что ничего не понял.

– Она взаперти сидит! Великанша Лара!

И я сразу же услышала, как хлопнула за Наронгом дверь кухни. Он, наверное, обогнул замок, потому что очень скоро постучал в парадную дверь. Феликс открыл ему, когда я поднималась по лестнице на благородный этаж.

– Подождите! Не входите! – закричал он мне снизу из вестибюля. – Мадам! Позвольте мне вас сопровождать!..

Я не была уверена, и он тоже, дам ли я ему разрешение проводить меня в комнату, где сидела взаперти большая попугаиха.

– Позвольте мне войти первым!

Вряд ли стоило тратить столько вежливости на уговоры, поскольку я уже не горела желанием попасть в когтистые лапы злобной птицы, которая возненавидела меня с первого дня.

Наронг толкнул дверь в комнату, смежную со спальней Казимира, и остановился изумленный. Заглядывая из-за его плеча, я была удивлена увиденной картиной разорения. А еще больше меня поразил приятный аромат, какой снова исходил от стоящего передо мной мужчины.

Но сейчас у меня в голове было много других мыслей: Лара провела не одну неделю в четырех стенах и старательно трудилась над обстановкой. Обивка кресел, превращенная в труху, покрыла толстым слоем ковер, свидетельствуя о неутолимой страсти попугаихи к разрушению. Она умудрилась открыть застекленную дверцу буфета, вытащила оттуда три стаканчика для ликера и выложила их на сундук. Расклевала в графине с ромом пробку, и теперь ее хлопья плавали в роме. Еще через секунду я увидела разодранные подушки на софе, а гусиный пух, каким они были набиты, слипся в комки вперемешку с птичьим пометом и засыпал весь пол.

Стало совершенно ясно, что Феликс, вопреки обещанию ухаживать за Ларой, бросал ей раз в два-три дня горсточку зерна, тем дело и кончалось. Весь этот разор был на совести камердинера Казимира, но виноватой чувствовала себя я.

Поколебавшись с минуту, Наронг вошел в комнату и приблизился к Ларе. Она сидела, нахохлившись, на высокой спинке углового дивана. Их взгляды встретились, и птица вся распушилась, показывая, какая она огромная и страшная.

– Да, – тихо проговорил Наронг. – Ты очень красивая и очень сильная. – Орех хочешь?

Он порылся в корзине, взял целый орех и разгрыз скорлупу зубами. Лара вытянула шею и схватила ядрышко. Она прижала его когтистой лапой к дивану, а сама начала вертеть головой то в одну, то в другую сторону, поглядывая острым взглядом на гостя. Ее черные зрачки то расширялись, то сужались.

– Посмотрите, – шепнул мне Наронг, – нетрудно понять, куда попугай собирается нанести удар: он всегда намечает цель взглядом, а потом нападает. Если смотрит вам на руки, убирайте их. Если тянется к лицу, отступайте.

– Как вам кажется, я достаточно далеко от нее или мне еще отойти? – спросила я, по-прежнему чувствуя беспокойство.

– Нет, так вполне достаточно, – ответил он шепотом, ласково глядя на Лару. – Но не смотрите прямо на нее, на попугаев так смотрят хищники. Эти птицы знают, что они добыча.

– Даже такие огромные?

– Конечно! Мы же гораздо больше.

Лара съела орех, изогнула голову и теперь смотрела на Наронга снизу вверх. Его это насмешило.

– Ну что, детка? Пойдешь ко мне на руки?

Он протянул попугаихе четвертинку яблока, чтобы приманить ее к себе на плечо. Лара немного подумала и перебралась на новый насест.

– Браво-о-о, – пропел Наронг, – какая славная демуазель!

Он развернулся вместе с сидящей на плече Ларой и встал ко мне лицом.

– Попугай страдает от одиночества, – сказал Наронг. – Вы бы оставили ребенка запертым в шкафу на многие недели?

– Конечно, нет. Но я ее боюсь. А она меня ненавидит.

– Время, мадам. Время и ласковое обращение могут смягчить самых неуживчивых. Лара не злая по натуре, она чахнет. А вы, по всей видимости, не любите птиц.

Я постаралась отвести от себя подозрение в бесчувственности:

– Будем справедливы – вы присоединились ко мне, когда я готова была пойти к Ларе одна, чтобы ее порадовать. Неужели я кажусь вам чудовищем с каменным сердцем?

Наронг погладил хвост Лары.

– В Париже, – сказал он со вздохом, – я узнал одиночество изгнанника, вы сейчас познаете одиночество вдовства. А Лара горюет, как сирота.

От его слов я чуть не расплакалась.

– Так что же вы мне посоветуете? – спросила я, отвернувшись, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. – Я не могу себе представить, что Лара будет жить возле меня. Мы никогда не поладим, хотя я не буду причинять ей зла. Не могли бы вы забрать ее к себе?

– Я, мадам?

– Конечно, вы. А кто еще? Вам жаль Лару, и, судя по всему, ваше общество ее вполне устраивает. Вы избавите меня от шипа, который больно впился мне в ногу…

Наронг опустил глаза, подумав, наверное, что я все еще под впечатлением от той моей одинокой прогулки.

– Это французское выражение, – уточнила я, – означает, что вы поможете успокоить мою совесть, снять с души камень.

Наронг внимательно взглянул на меня – всматривался в лицо, глаза, губы. Я почувствовала смущение.

– Успокоить совесть… – повторил он, щекоча Лару под крылом. – Реже всего мы говорим сами с собой, хотя этот разговор наиболее важный.

И с этими словами, прозвучавшими дерзким наставлением философа, Наронг удалился величавой гибкой походкой, какая, я думаю, принята при дворе среди знатных особ.

Из всех моих слуг он один позволял себе прервать беседу, не дождавшись моего позволения. Установленные правила требовали, чтобы нанятые хозяином слуги стояли пред ним, дожидаясь, когда их отпустят. Однако Наронг, не пренебрегая своими обязанностями, похоже, вообще не принимал во внимание этих канонов. А меня волновала его изысканность, мягкое обращение, манеры, речь. Его суждения, исполненные мудрости, оставляли невольное ощущение, что он мой наставник, а я его ученица.

И я смотрела ему вслед, а он удалялся с Ларой на плече, большой пестрой птицей, стосковавшейся по ласке, в какой я ей постоянно отказывала.

Глава 4

Пока я была замужем, чувствовала себя несчастной пленницей грубияна мужа. Оказавшись вдовой с титулом и хозяйкой усадьбы, я не стала счастливее: без денег и приятных развлечений дни казались мне бесконечно тоскливыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.